

© ИНИОН РАН, 2014

Данный обзор распространяется по лицензии Creative Commons Attribution–NonCommercial–ShareAlike 4.0 International (Атрибуция — Некоммерческое использование — С сохранением условий). С текстом лицензии можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/3.0/deed.ru>, или отправив письмо на адрес Creative Commons: 171 Second Street, Suite 300, San Francisco, California 94105, USA.

М.М. Минц

**СОВЕТСКАЯ КОСМОНАВТИКА В СОВРЕМЕННОЙ
ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
(Реферативный обзор)**

История советской космической программы относится к числу востребованных тем в современной зарубежной русистике. За последние годы в этой области произошли заметные изменения, связанные не только с расширением источниковой базы в результате «архивной революции» и общего снижения уровня секретности в постсоветской России, но и с применением новых методологических подходов. Краткий обзор последних тенденций в российской и западной историографии советской космонавтики дает, в частности, Ю. Рихерс (Базельский университет) в статье «Литература по советским исследованиям космоса» (17). Она выделяет три основных направления исследований: история науки и технологий, политическая история (космонавтика как составная часть советско-американского противоборства) и изучение космонавтики в рамках социальной и культурной истории СССР. Первые два направления представлены уже довольно большим числом публикаций, однако до сих пор остаются почти не изученными такие вопросы, как советские и американские исследования в области ракетостроения в период до 1957 г., советско-американское сотрудничество в космической сфере и некоторые другие. Последнее – социокультурное – направление зародилось относительно недавно, эту проблематику во многом еще только предстоит исследовать.

Соотношение между историей науки и техники и ее социокультурным контекстом показано в статье А. Кожевникова (университет Британской Колумбии, Ванкувер, Канада) «Культурные пространства советского космоса» (13). Автор анализирует ту среду, в которой зарождались идеи покорения космоса, и перемены, про-

изошедшие в СССР и в западных странах после запуска первого спутника в 1957 г. Он отмечает любопытный факт, часто ускользающий от внимания ученых: энтузиазм К. Э. Циолковского и его последователей, их мечты о выходе за пределы земной атмосферы и колонизации других планет были обусловлены не только верой в прогресс, но и тяжелым опытом бедности, разрухи, политических и военных катаклизмов, выпавших на долю России в первой трети XX в.; освоение внеземного пространства виделось своеобразной страховкой от новых катастроф и даже необходимым условием выживания человечества в будущем. Исследования в области ракетной техники и космических полетов, таким образом, представляли собой своеобразную форму эскапизма.

Для людей, живших в 1960-е годы, пишет Кожевников, прорыв в космос стал символом торжества разума и науки, но параллельно произошла довольно быстрая политизация космонавтики, поскольку советская сторона стремилась представить свои успехи в данной области как наглядное подтверждение преимуществ социализма. США в этой ситуации попытались доказать обратное своими собственными техническими достижениями, что породило феномен космической гонки. Подлинное зарождение советской космонавтики происходило гораздо прозаичнее: в ходе работ над межконтинентальной баллистической ракетой Р-7 стало очевидным, что ее можно использовать (в модифицированном виде) и для выведения на орбиту спутника; когда Королёв обратился за соответствующим разрешением к Хрущёву, тот дал свое согласие, оценив символический потенциал подобной акции, хотя сама идея в то время представлялась ему почти ребячеством. Запуск первого спутника, таким образом, стал побочным эффектом гонки ракетно-ядерных вооружений, однако разгоревшееся советско-американское противоборство за лидерство в космосе заметно ускорило дальнейшее развитие космонавтики.

Практически все публикации, проанализированные в данном обзоре, написаны в рамках социальной и культурной истории. Все использованные статьи были опубликованы в двух сборниках: «Исследования космоса и советская культура» (10) под редакцией Дж.Т. Эндрюса (университет штата Айова) и А.А. Сиддики (Фордхемский университет, США); «Советская космическая культура: Космический энтузиазм в социалистических обществах» (30) под редакцией Е. Маурер (университет Фрибура, Швейцария, и университет Мюнстера), Ю. Рихерс, М. Рютерс (Гамбургский университет) и К. Шайде (университет Констанца).

Среди проблем, анализируемых авторами сборника «Исследования космоса и советская культура», – отношения между государством, наукой и культурой в период «оттепели»; массовый «космический энтузиазм» в Советском Союзе, начавшийся по сути еще до запуска первого спутника, во многом благодаря популяризаторским усилиям Циолковского; влияние успехов СССР в освоении космоса на самосознание советских граждан, на формирование и эволюцию советской идентичности. Сборник состоит из десяти статей, объединенных в три части. В первой части (две статьи) рассматривается в основном тот историко-культурный контекст, в котором начиналась реализация советской космической программы. Вторая часть (четыре статьи) посвящена популярным мифам о космонавтах и космонавтике и их соотношению с фактической политикой советского руководства. В третьей части (четыре статьи) показано, как перипетии космической гонки отражались в культуре, повседневной жизни и массовом сознании граждан СССР.

Сборник «Советская космическая культура» посвящен влиянию начала космической эры, первых успехов СССР в покорении космоса и соперничества с Соединёнными Штатами в космических исследованиях на советскую массовую культуру и массовое сознание 1950–1960-х годов. Издание подготовлено на основе материалов конференции «Космический энтузиазм: Культурное влияние советских исследований космоса начиная с 1950-х годов», состоявшейся в январе 2009 г. в Базеле. Авторы рассматривают первый период истории космонавтики, когда первенство в этой области принадлежало Советскому Союзу. В своих работах они попытались исследовать советскую космическую программу прежде всего как культурный феномен, значение которого для советского общества определялось отнюдь не только реалиями холодной войны. Покорение космоса стало в определенном смысле новой утопией, символом не только научных, технических и экономических успехов СССР, но и хрущёвской «оттепели» и связанных с ней перемен – начиная с ослабления идеологического прессинга и заканчивая улучшением бытовых условий.

Статьи сборника, за исключением введения и уже цитировавшегося историографического обзора Ю. Рихерс, сгруппированы в четыре части. Часть первая «Духовность, трансцендентность и советский утопизм» посвящена философским истокам советской «космической лихорадки». Идея покорения космоса была необычайно популярна в 1920-е годы, став, по сути, продолжением идей о мировой революции и построении нового общества. Позже, уже

при Хрущёве, успехи в освоении космоса официально преподносились как составная часть продвижения к коммунизму, а также как торжество науки над религией, своеобразная десакрализация неба. На неофициальном уровне выход человечества за пределы земной «колыбели» также располагал к серьезным размышлениям о месте техники и технологий в нашей жизни и о природе трансцендентного. Во второй части сборника рассматриваются социальные и культурные практики, направленные на увековечивание памяти о достижениях СССР в освоении космоса. Попытки советского руководства использовать эти достижения в пропагандистских целях обсуждаются в части третьей «Представляя космос в мировой политике». В четвертой части анализируются образы космоса и космонавтики в отечественной массовой культуре, где данная тематика стала с конца 1950-х годов одной из доминирующих.

Рассмотрим эти и некоторые другие публикации более подробно.

Предпосылки и предыстория космонавтики

Ни для кого не секрет, что первым запуском с Байконура предшествовала работа поколений ученых и инженеров, решавших различные теоретические и практические задачи, связанные с осуществлением полета в космос. Менее известно, однако, то обстоятельство, что работа эта представляла собой не только сугубо научный, но и философский, даже религиозный поиск. Это хорошо показывает, в частности, М. Хагемайстер (Европейский университет Виадрины, Франкфурт-на-Одере) в статье «Завоевание космоса и блаженство атомов» (9), посвященной философским взглядам «прародителя» советской космонавтики К. Э. Циолковского (1857–1935), которые долгое время оставались вне поля зрения исследователей. Он анализирует взаимосвязь между научными разработками Циолковского и его представлениями об освоении космоса как об освобождении человечества, дороге к его дальнейшему совершенствованию и, наконец, к бессмертию.

Ещё подробнее эта проблематика рассматривается в биографии Циолковского «Красный космос», написанной Дж.Т. Эндрюсом (2). Автор попытался решить три основные задачи.

1. Переосмыслить место Циолковского в истории советской науки и техники: в советское время его образ был в значительной степени мифологизирован.

2. Изучить также и другие стороны деятельности Циолковского, его философское творчество, работу в качестве учителя и т.д. В советской литературе анализировались в основном только его научные изыскания.

3. Рассмотреть жизнь и деятельность Циолковского в широком интеллектуальном и культурном контексте его времени, который в предшествующей историографии обычно игнорировался: «Историю российского ракетостроения слишком часто изучали в контексте эпохи холодной войны начиная с Хрущёва, но данная книга начинается с истоков ракетной техники середины 1850-х годов и заканчивается на том времени, с которого обычно отсчитывают историю советской космонавтики» (2, с. 6).

Источниковую базу исследования составили документы ряда российских архивов (ГАРФ, РГАСПИ, Архив Президента РФ, Архив РАН и его петербургский филиал, государственные архивы Московской и Калужской областей, коллекция документов калужского Государственного музея истории космонавтики им. К.Э. Циолковского), документальные публикации, а также периодика, в том числе дореволюционная. Автор привлек не только источники, описывающие жизнь и деятельность самого Циолковского, но и материалы, позволяющие проследить, как его образ использовался советской пропагандой, особенно в годы холодной войны.

Книгу открывает краткий обзор истории русского ракетостроения до начала XX в. Автор показывает, что феномен Циолковского возник не на пустом месте, он был подготовлен десятилетиями работы самых разных специалистов, занимавшихся проблемами ракетной техники. Даже то, что Циолковский большую часть своей жизни провел в Калуге, являлось типичным для российских интеллектуалов на рубеже XIX–XX вв.

Непосредственным предшественником Циолковского Эндрюс считает Н.И. Кибальчича, инженера и революционера, казненного в 1881 г. за участие в убийстве императора Александра II. Именно Кибальчич, по-видимому, первым из российских исследователей предложил использовать ракету для пилотируемого полета.

Вклад Циолковского в будущее развитие ракетостроения и космонавтики в Советском Союзе заключался, по мнению автора, не только в сугубо научных разработках, но и в его популяризаторской деятельности. Многие ученые и инженеры, принявшие впоследствии непосредственное участие в реализации советской космической программы, выбрали род занятий и сферу профессиональных интересов под влиянием научно-популярных и научно-

фантастических произведений Циолковского, посвященных космическим полетам. Циолковский и сам видел свою задачу в том, чтобы начать работу, которую смогут продолжить физики и инженеры будущего, подчеркивая, что исполнению должна предшествовать идея, а расчетам – фантазия.

Социокультурные предпосылки космонавтики анализируются и в более поздней статье Эндрюса «Предпосылки хрущёвского спутника» (1). Интерес к космической тематике образованная публика в России проявляла еще с конца XIX в., но по-настоящему широкое распространение идея колонизации космоса приобрела в 1920–1930-е годы. В 60-е все новые и новые успехи в космической области укрепляли веру в огромные возможности советской науки и техники, страны в целом, а значит, и уверенность в завтрашнем дне. Массовый энтузиазм в связи с первыми полетами в космос, характерный для советского общества в этот период, был, таким образом, обусловлен не только официальной пропагандой.

От фейерверков XIX века до «лунной гонки»

«Техническая» сторона истории советской космической программы детально рассматривается в фундаментальной монографии А.А. Сиддики. Работа, представляющая собой расширенную версию более ранней его книги «Вызов “Аполлону”»¹, издана в двух томах со сквозной нумерацией глав и страниц: «Спутник и советский космический вызов» (24) и «Советская космическая гонка с “Аполлоном”» (26). Книги Сиддики, основанные на документах, рассекреченных в постсоветский период, и воспоминаниях ветеранов космической отрасли, стали первым исследованием в западной науке, автору которого удалось проанализировать первоисточники, преодолев завесу мифов и домыслов, до недавнего времени окружавших советскую космонавтику. Хронологически работа охватывает период от окончания Второй мировой войны, когда в распоряжении Советского Союза оказались немецкие ракетные технологии, до провала советской лунной программы в середине 1970-х годов. Сиддики попытался прежде всего изучить институциональную базу советской космонавтики, структуру отдельных организаций, предприятий и ведомств, участвовавших в подготовке и осуществлении космических экспедиций, отношения между ними; проследить раз-

¹ *Siddiqi A.A. Challenge to Apollo: the Soviet Union and the space race, 1945–1974.* – Washington: NASA, 2000. – XVI, 1011 p.: ill.

витие советской ракетной техники и технологий в рассматриваемый период и, наконец, прояснить причины советских успехов на первом этапе космической гонки (запуск первого спутника, полет Гагарина) и последовавших за ними неудач. Ввиду большого объема изучаемого материала автор сосредоточился в основном на истории советской пилотируемой космонавтики; кроме того, в первых четырех главах рассматривается предыстория запуска первого спутника, прежде всего работы по созданию межконтинентальной баллистической ракеты.

Сиддики приходит к выводу, что судьба советской космической программы во многом определялась балансом сил между четырьмя основными группами интересов: учеными и инженерами с их мечтами о покорении космоса, основанными на идеях Циолковского; военным руководством в лице Главного артиллерийского управления (в 1960 г. преобразовано в Главное ракетно-артиллерийское управление), заинтересованного в создании новых систем ракетно-ядерного вооружения; военной промышленностью и, наконец, партийным руководством, продолжавшим глобальное противоборство с Соединёнными Штатами. Сотрудничество между этими группировками в период разработки межконтинентальной баллистической ракеты Р-7 сделало возможными не только успешную реализацию данного проекта, но и запуски первых спутников, а затем и первые пилотируемые экспедиции с использованием ракет-носителей, созданных на основе Р-7. Ситуация, однако, начала меняться уже вскоре после полета Гагарина. Военное руководство, заинтересованное в новых вооружениях больше, чем в освоении космоса, сократило ассигнования на космические исследования, что вынудило инженеров свернуть целый ряд перспективных программ. Одновременно усилилась конкуренция среди самих инженеров. Следствием этих обстоятельств стало распыление сил между несколькими направлениями исследований, а лунная программа была запущена лишь в 1964 г. – на три года позже американской. Таким образом, неудачи Советского Союза на рубеже 1960–1970-х годов в некотором смысле были обусловлены теми же факторами, что и успехи советской космонавтики десятью годами ранее.

В более поздней своей работе «Блеск красной ракеты: Космические полеты и советское воображение, 1857–1957» (25) Сиддики рассматривает в основном истоки и предысторию космонавтики; хронологически книга охватывает период с середины XIX в. (в первой главе описывается зарождение идеи об освоении космоса

во второй половине столетия) до запуска первого спутника в 1957 г. (его созданию посвящена последняя глава). Будучи специалистом не только по истории науки и техники, но и по социальной и культурной истории современной России, автор впервые помещает собственно развитие техники и технологий – от простейших пороховых ракет XIX в. до жидкостных ракет-носителей 1950-х годов – в общий социокультурный контекст изучаемого времени. Это позволяет ему, в частности, проследить, как влияли на технический прогресс факторы, действующие за пределами науки и техники, – прежде всего та утопическая мечта об освоении космоса, которая возникла в среде интеллигенции еще в дореволюционную эпоху и была подхвачена широкими слоями населения СССР в 1920–1930-е годы. Как показано в книге, техническое и философско-художественное творчество («инженерия» и «фантазия», см.: 25, с. 8) все эти годы по существу дополняли друг друга, и если развитие ракетной техники на определенных этапах финансировалось государством в военных целях, то зарождение космонавтики было в большей степени обусловлено тем, что «фантазию» о преодолении земного тяготения разделяли среди прочих те инженеры, которым выпало претворять в жизнь советскую ракетную программу в послевоенный период.

В методологическом отношении работа относится в основном к социальной истории науки. Ее источниковую базу составили архивные документы (ГАРФ, РГАСПИ, РГАЭ, РГВА, Архив РАН, коллекция документов Музея истории космонавтики имени Циолковского в Калуге; автору удалось, хотя и не без труда, ознакомиться также с некоторыми документами Архива Президента РФ), опубликованные документы (используются как сборники документов высших партийных и государственных органов СССР, так и издания, непосредственно посвященные истории советской ракетной техники и космонавтики), публицистика и научно-популярная литература 1920–1930-х годов (важный источник при изучении советского «космического энтузиазма»), воспоминания (позволяют не только исследовать «человеческое измерение» изучаемых событий, но и восполнить некоторые лакуны в документальной базе, что по-прежнему актуально, поскольку многие архивные материалы до сих пор остаются засекреченными). Наиболее тщательно автор изучает роль государства в зарождении космонавтики, взаимодействие между профессиональными учеными и энтузиастами-любителями, «иностранный фактор».

Подводя итоги своего исследования, Сиддики отмечает, что сложившиеся взгляды на историю и предысторию советской космической программы требуют существенной корректировки. Так, вопреки распространенному представлению, космический проект, в отличие, например, от атомного, не был инициативой государства. Советское руководство не проявляло сколько-нибудь заметного интереса к вопросам ракетной техники вплоть до конца Второй мировой войны. В 1920-е годы Циолковский и его последователи работали на общественных началах. Созданная в 1931 г. Московская группа изучения ракетного движения (МосГИРД), в работе которой участвовали С.П. Королёв, М.Н. Тихонравов, Ф.А. Цандер и ряд других энтузиастов-изобретателей, государственное финансирование получила лишь в 1932 г. В 1933 г. был создан Реактивный научно-исследовательский институт (РНИИ), сотрудниками которого были сконструированы первые варианты советских жидкостных ракет, но государственная поддержка этого института была весьма ограниченной, многие инженеры-ракетчики попали под каток репрессий в период Большого террора, а в последующие годы работы по созданию жидкостных ракет были фактически свернуты, поскольку более перспективным представлялось конструирование пороховых ракет, которые могли найти практическое применение уже в ближайшем будущем; эти работы увенчались созданием знаменитой «катюши» и других аналогичных систем, применявшихся во время войны. Государственная ракетная программа была запущена лишь с началом ядерной гонки, а проект по созданию спутника привлек внимание Хрущёва только во второй половине 1950-х годов.

Важную роль в зарождении советской космонавтики сыграли неформальные объединения энтузиастов. Академия наук, так же как и советское правительство, не проявляла интереса к космической тематике вплоть до 1950-х годов и не поддерживала отношений с Циолковским при его жизни, поскольку он не имел высшего образования. Таким образом, исследования в области жидкостных ракет и покорения космоса долгое время носили по преимуществу любительский характер – и тем не менее привели к созданию необходимой теоретической базы, от которой в дальнейшем отталкивались инженеры-профессионалы. Неформальные сообщества ученых и инженеров сыграли важную роль в освоении немецких технологий в первые послевоенные годы. Позже, уже в 50-е, инженеры, участвующие в реализации ракетной программы, использовали неформальную сеть энтузиастов для дальнейшей популяризации

идей освоения космоса; это позволило сформировать в советском обществе устойчивый и довольно широкий интерес к данной проблеме и впоследствии обусловило благожелательную реакцию Хрущёва на предложение Королёва о запуске спутника.

Взаимодействие с другими странами – в самых разных формах – также имело немаловажное значение. Циолковский заинтересовался вопросами космических полетов после знакомства с романами Жюль Верна. Первая советская жидкостная баллистическая ракета Р-1 класса «земля–земля», созданная Королёвым, была почти точной копией немецкой V-2, хотя последующие модели представляли собой уже оригинальные советские разработки. Поддержка космических исследований советским правительством начиная со второй половины 1950-х годов в определенной степени была обусловлена соперничеством с Соединёнными Штатами, приступившими к реализации собственного космического проекта. Сыграл свою роль и международный научный диалог; любопытно, что советские публикации, посвященные перспективам освоения космоса, стали, по-видимому, одним из стимулов к развертыванию американской космической программы.

Сиддики подчеркивает, что сложившееся представление о советской науке как полностью контролировавшейся государством нуждается в пересмотре. По крайней мере некоторые ее достижения были подготовлены инициативными исследованиями, проводившимися за пределами официального научного сообщества.

Наконец, анализ работ Циолковского и других исследователей-любителей, занимавшихся конструированием жидкостных ракет и теоретическими вопросами космонавтики, показывает, что собственно научные соображения в их сознании тесно переплетались с мистическими представлениями, соединяясь в трудноразделимое целое. Запуск спутника, таким образом, был результатом не только научных поисков, но и религиозно-философских, нацеленных на построение нового, более совершенного общества как следствие выхода за пределы земной атмосферы.

Космонавтика и пропаганда

Успехи СССР в освоении космоса довольно активно использовались советской пропагандой, причем для достижения самых разных целей. Эту проблематику рассматривают сразу несколько авторов.

Статья Л. Сигелбаума (Мичиганский университет) «Спутник отправляется в Брюссель» (27) посвящена участию СССР во Всемирной выставке 1958 г. в Брюсселе, где реплика первого спутника стала главным экспонатом в советском павильоне. Советское руководство усиленно рекламировало это событие и за рубежом, и внутри страны, причем, как показывает автор, в обоих случаях ставилась задача продемонстрировать не столько действительное положение дел (уровень жизни в СССР или восприятие советской экспозиции западной аудиторией), сколько некую идеальную картинку, «то, как должно быть». Вопрос, была ли эта пропаганда эффективной, остается открытым.

И. Кохонен (Университет Аалто, Хельсинки) в статье «Героическое и обыкновенное» (12) анализирует образы космонавтов на советских фотографиях 1960-х годов. Она приходит к выводу, что содержащийся в этих изображениях идеологический посыл заключался не только в том, чтобы показать людей из будущего, истинных строителей коммунистического рая, но и подчеркнуть, что космонавты – это обычные люди, живущие обычной жизнью, что герои выходят из простых людей. Данный мотив был утрачен уже к концу 1960-х годов, на фоне нарастающего разочарования в коммунистической утопии, в том числе и в космической ее составляющей.

Попыткам советского руководства использовать достижения отечественной космонавтики в антирелигиозной пропаганде посвящены статьи В. Смолкин-Ротрок (Уэслианский университет, Мидлтаун, Коннектикут) «Спор за небеса: Битва науки и религии в советском планетарии» (29) и «Космическое просвещение: Научный атеизм и советское покорение космоса» (28).

В статье М. Рютерс «Дети и космос» (19) описывается популяризация космонавтики среди детей, не только в СССР, но и в других странах социалистического блока (на примере ГДР); автор прослеживает, как рассказы о космических успехах Советского Союза увязывались пропагандой с образами счастливого детства и счастливого будущего. Она приходит к выводу, что одной из целей этой пропаганды было восстановить лояльность молодого поколения по отношению к советскому режиму.

Космонавтика и внешняя политика

Зарубежные поездки советских космонавтов стали по существу частью советской внешней политики, однако эффективность подобной «дипломатии» сильно различалась от страны к стране.

Так, несомненным успехом Москвы был визит Г. С. Титова в ГДР в сентябре 1961 г. — меньше чем через месяц после его полета 6 августа того же года, вторым после Гагарина, и начала строительства Берлинской стены 13 августа. Этому событию посвящена статья Х.Л. Гамберта (Виргинский политехнический институт) «Театры холодной войны: Космонавт Титов у Берлинской стены» (8). Массовый энтузиазм в связи с приездом Титова позволил правительству В. Ульбрихта создать видимость единства как между властью и народом, так и внутри правящей Социалистической единой партии Германии, и тем самым несколько разрядить накопившееся в стране напряжение. Кроме того, что гораздо важнее, восточно-германское руководство использовало фигуру Титова, чтобы выработать новую идентичность для населения республики и найти убедительное обоснование ее нового места в мире: ГДР отныне позиционировала себя не как часть Германии, а прежде всего как часть социалистического содружества, достижения которого в противостоянии с капиталистическим Западом наилучшим образом демонстрировали успехи в освоении космоса, включая полет Титова.

В Югославии дела обстояли иначе. Р. Вучетич (Белградский университет) в статье «Кого в Югославии любили сильнее?» (33) описывает визит экипажа «Аполлона-11» в эту страну в 1969 г. и предшествующие ему визиты советских космонавтов и внимательно сравнивает оказанный им прием в общем международном контексте того времени. Хотя при Хрущёве советско-югославские отношения вступили в период относительной нормализации, Тито продолжал политику балансирования между Востоком и Западом, причем приоритетным по-прежнему оставалось сотрудничество с Вашингтоном, а не с Москвой. Прохладное отношение югославских руководителей к советским успехам в космической гонке, как и к самим советским космонавтам, посещавшим Югославию, в сравнении с тем ажиотажем, которым сопровождался приезд американских астронавтов после их высадки на Луне, вполне соответствовало, таким образом, политическим предпочтениям Белграда.

Космонавтика и мифы о космонавтике

Мифологизация советской космонавтики (как в нашей стране, так и за рубежом) во многом была связана с режимом тотальной секретности, окружавшим ее вплоть до конца 1980-х годов. С высоты наших сегодняшних знаний о периоде «оттепели» это может показаться парадоксом, хотя в действительности столь жесткая

секретность была вполне объяснима, поскольку советская космическая программа, в отличие от американской, на всех этапах была тесно связана с военными разработками и космические ракеты-носители создавались теми же предприятиями, что и боевые межконтинентальные баллистические ракеты, притом что именно на рубеже 1950–1960-х годов противостояние между СССР и США достигло своего пика. В то же время, однако, советское руководство стремилось всячески популяризировать свои космические достижения. Как показывает Сиддики в статье «Космические противоречия: Энтузиазм и секретность в советской космической программе» (22), такая двойственная политика – курс на максимальную открытость в сочетании с режимом строжайшей секретности – создавала неразрешимую проблему; выход из этой ситуации так и не был найден вплоть до начала перестройки. Как результат, советским журналистам, пропагандистам, писателям, авторам научно-популярной литературы приходилось зачастую описывать либо прошлое советской космонавтики (достигнутые успехи, исполнение надежд Циолковского и т.д.), либо ее будущее (новые возможности, которые открываются в результате уже достигнутых успехов), но не ее настоящее (в первых сообщениях о запуске спутника не было даже его изображения). Любопытно, что именно данными обстоятельствами во многом подпитывалась и массовая эйфория вокруг космонавтики в те годы: чем меньше было известно о буднях космонавтов и конструкторов, тем шире казались возможности советской космонавтики, ее потенциал и перспективы.

В статье Славы Геровича (Массачусетский технологический институт) «Человек внутри пропагандистской машины: Публичный образ и профессиональная идентичность советских космонавтов» (6) анализируется соотношение между пропагандистским образом космонавтов и их истинным профессиональным самосознанием, между профессиональной культурой и культурой политической. Хрущёвский миф о космонавтах типологически во многом стал продолжением сталинских мифов о стахановцах, летчиках, покорителях Арктики – вплоть до сохранения привычных ритуалов их массового почитания. Это еще одна иллюстрация того, что десталинизация 1960-х годов имела свои пределы. Было, однако, и отличие: герои сталинской эпохи, по замыслу партийного руководства, должны были пропагандировать свои профессии или отношение к труду. «Чтобы поддерживать свой общественный статус, – отмечает Герович, – Алексей Стаханов должен был ставить новые рекорды, а Валерий Чкалов – продолжать летать» (6, с. 105). Космонавты, на-

против, вынуждены были пропагандировать ценности, с их профессией напрямую не связанные. В их задачи не входило привлечение новых людей в космическую отрасль, у них не было даже возможности упоминать в своих речах сколько-нибудь существенные подробности своих полетов – из соображений секретности. В результате образ космонавта оказывался довольно противоречивым (к примеру, о нештатных ситуациях во время полетов пропаганда старательно умалчивала, зато всячески подчеркивалось высокое качество автоматики, управляющей космическим кораблем; в чем, в таком случае, состояла функция космонавта и особенно его героизм, оставалось неясным), а соответствовать ему было весьма непросто. Это доставляло заметные неудобства и самим космонавтам – от сугубо повседневных проблем до того, что «шесть из первых одиннадцати космонавтов ни разу больше не летали в космос, несмотря на все их усилия остаться в списке действующих космонавтов» (6, с. 105).

Более подробно эту проблему рассматривает Э. Дженкс (университет штата Калифорния в Лонг-Бич) в книге «Космонавт, который всегда улыбался: Жизнь и легенда Юрия Гагарина» (11). Исследование базируется в основном на опубликованных материалах, поскольку архивные документы, не соответствующие официальному образу Гагарина, до сих пор по большей части недоступны для ученых, особенно иностранцев. Автор подчеркивает, что внимательное прочтение источников, уже введенных в научный оборот, позволяет проанализировать имеющиеся в них внутренние противоречия и тем самым хотя бы отчасти компенсировать сохраняющиеся лакуны. Книга написана на стыке биографии и культурной истории. Дженкс попытался не только восстановить, насколько это возможно, исторически достоверный портрет Гагарина, но и исследовать сложившийся в СССР комплекс мифов о нем как культурное явление, по-своему характеризующее определенные стороны советского общества и массового сознания. Отдельная глава посвящена трудностям, с которыми сталкивался сам Гагарин, вынужденный как-то совмещать свой новый героический образ с повседневными советскими реалиями. В заключительной главе описывается развитие мифа о Гагарине уже в постсоветский период: попытки «развенчать» легенду о первом космонавте в 1990-е годы, эволюция представлений о нем среди работников провинциальных музеев с заменой советской идеологии на космизм, использование его образа официальной «патриотической»

пропагандой при Путине и Медведеве, а также попытки объявить его «православным» и едва ли не святым.

Феномену Гагарина посвящен и вышедший совсем недавно в Германии сборник статей «Гагарин в архивах и воспоминаниях» (4) под редакцией М. Швартца (Свободный университет Берлина), Х. Майера (Эрфуртский университет) и К. Андинга (Институт европейской истории имени Лейбница, Майнц).

Мифологизации подверглись не только образы космонавтов. Так, еще одна статья С. Геровича «Память о космосе и пространства памяти» (5) посвящена фигуре С. П. Королёва, знаменитого главного конструктора первых советских межконтинентальных и космических ракет, чье имя оставалось в секрете вплоть до его смерти в 1966 г. Автор прослеживает различные этапы эволюции его публичного образа, роль самого Королёва в конструировании определенных интерпретаций его биографии, возрождение мифа о нем в постсоветский период. На примере Королёва в статье показано, что диктат государственной пропаганды в формировании коллективной памяти был отнюдь не абсолютным; к примеру, в профессиональных сообществах инженеров-ракетчиков и космонавтов существовали свои специфические легенды о Королёве, отличавшиеся от «канонического» его образа.

Сиддики в уже упоминавшейся работе «Советская космическая гонка с “Аполлоном”» приходит к выводу, что роль Королёва в реализации советской космической программы нуждается в уточнении. Не умаляя его вклада в развитие отечественной космонавтики, автор отмечает, что Королёв был прежде всего организатором, а не ученым или инженером в точном смысле слова (26, с. 858–859).

Ещё один комплекс мифов связан с собаками-космонавтами – предшественницами человека на орбите. Первой из них была Лайка – пассажир второго советского спутника, запущенного 3 ноября 1957 г. Со дня ее полета и до появления первых космонавтов-людей прошло более трех лет, на протяжении которых как Советский Союз, так и США запустили целую серию спутников с животными на борту. Причём если американцы для подобных экспериментов использовали обезьян – наиболее близких «родственников» человека, – то советские ученые предпочитали собак, опыты над которыми еще со времен И. П. Павлова довольно часто ставились в нашей стране.

Этот непродолжительный период «звериной» космонавтики описывается, в частности, в статье Э. Нельсон (Виргинский политехнический институт) «Жизнь и времена советских космических собак» (15). Автор применяет социологическую концепцию погра-

нического объекта (информация, которая по-разному используется в различных сообществах и служит связующим звеном между ними). Вплоть до полета Гагарина собаки-космонавты почитались как герои, а понесенные ими жертвы рассматривались как вклад в развитие науки и подтверждение исторического «союза» между собакой и человеком. В то же время гибель Лайки, к тому же предрешенная заранее, вызвала бурные протесты защитников животных на Западе и таким образом вписалась в перипетии холодной войны и многолетние споры о пределах допустимого в научных экспериментах над животными. Запуски спутников с четвероногими пассажирами производились и после 1961 г., однако свой героический статус собаки довольно быстро утратили и в дальнейшем воспринимались просто как подопытные животные: «История космической гонки в конце концов должна была стать человеческой драмой» (15, с. 154).

Космическая тематика в художественном творчестве

Многочисленные работы посвящены отражению начала космической эры в советской культуре. М. Швартц в статье «Мечта, ставшая правдой» (21) рассматривает публикации по космической тематике в научно-популярных журналах, тиражи которых скачкообразно выросли на рубеже 1950–1960-х годов. По его мнению, столь высокий интерес к научно-популярной литературе и научной фантастике был обусловлен не только официально культивируемым энтузиазмом по поводу успехов СССР в освоении космоса, но и тем, что произведения писателей-фантастов зачастую содержали неочевидный подтекст, включавший в себя такие идеи, как эскапизм, переосмысление положения человека во Вселенной, перенос на другие миры отрицательных черт, присущих привычной советским читателям земной реальности. Философские поиски в художественной литературе, связанные с космической тематикой, описываются также в статье Т. Гроба (Базельский университет) «В пустоту» (7) на материале творчества С. Лема и братьев Стругацких.

Тему продолжает статья А. Рогачевского (университет Глазго) «Исследования космоса в российской и западной популярной культуре» (18), посвященная советским и американским эстрадным песням и фильмам о космических путешествиях начиная с 1960-х годов. Такой подход позволяет не только провести сравнительный анализ исследуемых произведений и выявить специфику советской «космической лихорадки», но и проследить, как первоначальный энтузиазм постепенно сменялся скептицизмом по отношению к

официальным концепциям. Рассматривается в статье и влияние на искусство той чрезмерной секретности, которая окружала космонавтику; это могло приводить к самым неожиданным результатам, вплоть до появления разнообразных конспирологических теорий.

В статье А. Порри (Эстония) «Два образа космического человека в эстонском искусстве» (16) анализируется использование образа космонавта в изобразительном искусстве Эстонии в советские и постсоветские годы. Хотя эстонские специалисты и предприятия принимали участие в реализации советских космических программ, в целом космонавтика для республики оставалась чем-то внешним, почти чужим, что обусловило менее пафосное к ней отношение. В работах на темы космоса эстонские художники могли себе позволить эксперименты с техникой и стилем, которые в СССР обычно не поощрялись. После обретения независимости образ космонавта стал скорее объектом иронии, но этот период, по мнению автора, уже закончился. Вопрос о дальнейших тенденциях в искусстве остается открытым.

Освоение космоса и советское общество

Восприятию космической тематики в советском массовом сознании посвящена статья Сиддики «От космического энтузиазма к ностальгии по будущему» (23). Как показывает автор, культивируемый в СССР в конце 1950-х и в 1960-е годы «космический энтузиазм» основывался не только на утопическом видении будущего, но и на попытках выстроить «удобное прошлое», чтобы можно было вписать успехи в освоении космоса в общий ряд побед большевиков. Поскольку настоящее и ближайшее прошлое, т.е. собственно развитие ракетостроения, как и подготовка и осуществление космических экспедиций, были тесно связаны с военной сферой и покрыты завесой секретности, основу этого «удобного прошлого» составили события довоенных лет – отсюда, к примеру, такое большое внимание к фигуре Циолковского. На рубеже 1960–1970-х годов свертыwanie «оттепели», начало застоя, а также ряд утрат (гибель Королёва в 1966 г. и Гагарина в 1968-м) и неудач (отставание от американцев после их высадки на Луну в 1969 г.) советской космонавтики привели к угасанию «космической лихорадки», энтузиазм сменился ностальгией по прежним успехам, к которой вскоре добавилась ностальгия по упущенным возможностям («ностальгия по будущему»).

В статье К.С. Льюис (Музей авиации и космонавтики, Вашингтон) «Из кухни на орбиту: Пилотируемая космонавтика и зарождающееся общество потребления при Хрущёве» (14) рассматривается коллекционирование в Советском Союзе значков и почтовых марок, связанных с космической тематикой, в общем контексте не только советской космической программы, но и изменений в политике партийного руководства по отношению к потреблению. В сталинские годы хобби, в том числе и создание частных коллекций, были по существу под запретом. На рубеже 1950–1960-х годов, когда в результате хрущёвской либерализации сформировался своеобразный советский вариант общества потребления, эти запреты были сняты. Тогда же возобновился выпуск коллекционных марок и значков. Успехи СССР в освоении космоса обеспечили их производителей темами и образами для творчества и в то же время стимулировали рост спроса на их продукцию, поскольку в условиях тотальной секретности значки и марки оказывались в некотором смысле не только произведениями искусства, но и одним из источников хоть какой-то информации, относящейся к космонавтике. Особенным многообразием отличались значки, поскольку в издании марок Министерство связи являлось монополистом и не было заинтересовано в активных творческих поисках. Возродилась в послевоенные годы и практика содержания домашних собак. Первые полеты собак в космос воспринимались как аргумент в ее защиту (15).

Р.П. Силвестер (Университет Де Поля, Чикаго) в статье «“Вот бы узнать, где школа космонавтов”: Советские девочки и космические мечты после полета Терешковой» (31) рассматривает увлечение советских школьниц естественными, точными и техническими науками в 1960-е годы, в том числе под влиянием полета Терешковой и других успехов СССР в освоении космоса. Этой же теме посвящена и ее статья «Советские девочки и успех Терешковой» (32).

Региональные аспекты советской «космической» пропаганды обсуждаются в статье А. Еремеевой (Краснодарский государственный университет) (3) – на примере Краснодарского края середины 1950-х – середины 1980-х годов. В. Садым (Кубанская федерация космонавтики) в статье «Пропаганда исторического и культурного наследия космонавтики» (20) описывает деятельность советских и современных российских общественных организаций (главным образом на Кубани) по популяризации исторического и культурного наследия отечественной космонавтики.

Заключение

Как следует из сказанного выше, космонавтика перестала быть предметом одной лишь истории науки и техники: к настоящему моменту в западной историографии накопился уже целый пласт литературы, написанной в рамках социальной и культурной истории. В основном эти исследования развиваются в двух направлениях: с одной стороны, активно изучаются социокультурные аспекты собственно советской космической программы (ее культурные предпосылки, феномен Циолковского, движение его последователей, мифы о космонавтах и конструкторах и т. д.), с другой – не менее активно осваиваются разнообразные смежные темы (космонавтика и политика, космонавтика и идеология, космическая тематика в искусстве, общественные процессы в космический век). Применение новых методологических подходов, таким образом, позволило вписать историю космической гонки конца 1950-х – середины 1970-х годов в общий не только политический, но и культурный контекст того времени, сделать ее органичной частью истории советского общества в целом. Хочется надеяться, что данная работа будет продолжаться и дальше.

В то же время даже событийная составляющая истории советской космонавтики до сих пор нуждается в уточнении – не из-за отсутствия интереса со стороны исследователей, а из-за того, что многие первичные источники по-прежнему остаются засекреченными. По этой же причине и развитие советской космической техники также изучено еще далеко не полностью, хотя успехи здесь достигнуты уже довольно значительные.

Наконец, результаты изучения перечисленных проблем свидетельствуют о том, что даже история науки и техники не сводится в полной мере к рационалистической модели прогресса, движимого одним лишь логическим мышлением и практическими соображениями. Советский прорыв в космическое пространство, долгое время казавшийся торжеством разума, был подготовлен религиозными исканиями русских космистов, в представлениях которых выход за пределы атмосферы, в невесомость и далее к другим планетам имел отчетливый характер новой утопии. Техническое творчество – это культурный процесс, и величайшие научные открытия до сих пор, как и столетия назад, могут быть результатом не только рациональных исследовательских поисков, но и погони за мифом.

Список литературы

1. *Andrews J.T.* Getting ready for Khrushchev's Sputnik: Russian popular culture and national markers at the dawn of the space age // *Into the cosmos: Space exploration and Soviet culture* / Ed. by Andrews J.T., Siddiqi A.A. – Pittsburgh (Pa.): Univ. of Pittsburgh press, 2011. – P. 28–44.
2. *Andrews J.T.* Red cosmos: K.E. Tsiolkovskii, grandfather of Soviet rocketry. – College Station: Texas A&M univ. press, 2009. – XX, 147 p.
3. *Eremeeva A.* The regional dimension of space propaganda // *Soviet space culture: Cosmic enthusiasm in socialist societies* / Ed. by Maurer E., Richers J., Rùthers M., Scheide C. – Basingstoke; N. Y.: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 139–150.
4. *Gagarin als Archivkörper und Erinnerungsfigur* / Hrsg. Schwartz von M., Meyer H., Anding K. – Frankfurt a. Mein: Peter Lang, 2014. – 243 S.
5. *Gerovitch S.* Memories of space and spaces of memory: Remembering Sergei Korolev // *Soviet space culture: Cosmic enthusiasm in socialist societies* / Ed. by Maurer E., Richers J., Rùthers M., Scheide C. – Basingstoke; N. Y.: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 85–102.
6. *Gerovitch S.* The human inside a propaganda machine: The public image and professional identity of Soviet cosmonauts // *Into the cosmos: Space exploration and Soviet culture* / Ed. by Andrews J.T., Siddiqi A.A. – Pittsburgh (Pa.): Univ. of Pittsburgh press, 2011. – P. 77–106.
7. *Grob T.* Into the void: philosophical fantasy and fantastic philosophy in the works of Stanislaw Lem and the Strugatskii brothers // *Soviet space culture: Cosmic enthusiasm in socialist societies* / Ed. by Maurer E., Richers J., Rùthers M., Scheide C. – Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 42–56.
8. *Gumbert H.L.* Cold War theaters: Cosmonaut Titov at the Berlin Wall // *Into the cosmos: Space exploration and Soviet culture* / Ed. by Andrews J.T., Siddiqi A.A. – Pittsburgh (Pa.): Univ. of Pittsburgh press, 2011. – P. 240–261.
9. *Hagemeister M.* The conquest of space and the bliss of the atoms: Konstantin Tsiolkovskii // *Soviet space culture: Cosmic enthusiasm in socialist societies* / Ed. by Maurer E., Richers J., Rùthers M., Scheide C. – Basingstoke; N. Y.: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 27–41.
10. *Into the cosmos: Space exploration and Soviet culture* / Ed. by Andrews J.T., Siddiqi A.A. – Pittsburgh (Pa.): Univ. of Pittsburgh press, 2011. – XII, 330 p.
11. *Jenks A.L.* The cosmonaut who couldn't stop smiling: The life and legend of Yuri Gagarin. – DeKalb (Illinois): Northern Illinois univ. press, 2012. – VIII, 315 p.
12. *Kohonen I.* The heroic and the ordinary: Photographic representations of Soviet cosmonauts in the early 1960 s // *Soviet space culture: Cosmic enthusiasm in socialist societies* / Ed. by Maurer E., Richers J., Rùthers M., Scheide C. – Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 103–120.

13. *Kojevnikov A.* The cultural spaces of the Soviet cosmos // Into the cosmos: Space exploration and Soviet culture / Ed. by Andrews J.T., Siddiqi A.A. – Pittsburgh (Pa.): Univ. of Pittsburgh press, 2011. – P. 15–27.
14. *Lewis C.S.* From the kitchen into orbit: The convergence of human spaceflight and Khrushchev's nascent consumerism // Into the cosmos: Space exploration and Soviet culture / Ed. by Andrews J.T., Siddiqi A.A. – Pittsburgh (Pa.): Univ. of Pittsburgh press, 2011. – P. 213–239.
15. *Nelson A.* Cold War celebrity and the courageous canine scout: The life and times of Soviet space dogs // Into the cosmos: Space exploration and Soviet culture / Ed. by Andrews J.T., Siddiqi A.A. – Pittsburgh (Pa.): Univ. of Pittsburgh press, 2011. – P. 133–155.
16. *Porri A.* Two images of a spaceman in Estonian art: The missing myth of a hero and the fable of failure // Soviet space culture: Cosmic enthusiasm in socialist societies / Ed. by Maurer E., Richers J., Rüthers M., Scheide C. – Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 266–280.
17. *Richers J.* Space is the place! Writing about Soviet space exploration // Soviet space culture: Cosmic enthusiasm in socialist societies / Ed. by Maurer E., Richers J., Rüthers M., Scheide C. – Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 10–20.
18. *Rogatchevski A.* Space exploration in Russian and Western popular culture: Wishful thinking, conspiracy theories and other related issues // Soviet space culture: Cosmic enthusiasm in socialist societies / Ed. by Maurer E., Richers J., Rüthers M., Scheide C. – Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 251–265.
19. *Rüthers M.* Children and the cosmos as projects of the future and ambassadors of Soviet leadership // Soviet space culture: Cosmic enthusiasm in socialist societies / Ed. by Maurer E., Richers J., Rüthers M., Scheide C. – Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 206–225.
20. *Sady M.* Propaganda of the historical and cultural heritage of cosmonautics: The experience of Russian regional non-governmental organizations // Soviet space culture: Cosmic enthusiasm in socialist societies / Ed. by Maurer E., Richers J., Rüthers M., Scheide C. – Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 151–163.
21. *Schwartz M.* A dream come true: Close encounters with outer space in Soviet popular scientific journals of the 1950s and 1960s // Soviet space culture: Cosmic enthusiasm in socialist societies / Ed. by Maurer E., Richers J., Rüthers M., Scheide C. – Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 232–250.
22. *Siddiqi A.* Cosmic contradictions: Popular enthusiasm and secrecy in the Soviet space program // Into the cosmos: Space exploration and Soviet culture / Ed. by Andrews J.T., Siddiqi A.A. – Pittsburgh (Pa.): Univ. of Pittsburgh press, 2011. – P. 47–76.
23. *Siddiqi A.* From cosmic enthusiasm to nostalgia for the future: A tale of Soviet space culture // Soviet space culture: Cosmic enthusiasm in socialist societies / Ed. by Maurer E., Richers J., Rüthers M., Scheide C. – Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 283–306.

24. *Siddiqi A.A.* Sputnik and the Soviet space challenge. – Gainesville etc.: Univ. press of Florida, 2003. – XX, 554 p.
25. *Siddiqi A.A.* The red rocket's glare: Spaceflight and the Soviet imagination, 1857–1957. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2010. – XIV, 402 p.
26. *Siddiqi A.A.* The Soviet space race with Apollo. – Gainesville etc.: Univ. press of Florida, 2003. – P. XX, 517–1005.
27. *Siegelbaum L.* Sputnik goes to Brussels: The exhibition of Soviet technological wonder // Soviet space culture: Cosmic enthusiasm in socialist societies / Ed. by Maurer E., Richers J., Rüthers M., Scheide C. – Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 170–187.
28. *Smolkin-Rothrock V.* Cosmic enlightenment: Scientific atheism and the Soviet conquest of space // Into the cosmos: Space exploration and Soviet culture / Ed. by Andrews J.T., Siddiqi A.A. – Pittsburgh (Pa.): Univ. of Pittsburgh press, 2011. – P. 159–194.
29. *Smolkin-Rothrock V.* The contested skies: The battle of science and religion in the Soviet planetarium // Soviet space culture: Cosmic enthusiasm in socialist societies / Ed. by Maurer E., Richers J., Rüthers M., Scheide C. – Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 57–78.
30. Soviet space culture: Cosmic enthusiasm in socialist societies / Ed. by Maurer E., Richers J., Rüthers M., Scheide C. – Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. – XV, 323 p.: ill.
31. *Sylvester R.* 'Let's find out where the cosmonaut school is': Soviet girls and cosmic visions in the aftermath of Tereshkova // Soviet space culture: Cosmic enthusiasm in socialist societies / Ed. by Maurer E., Richers J., Rüthers M., Scheide C. – Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 121–138.
32. *Sylvester R.* She orbits over the sex barrier: Soviet girls and the Tereshkova moment // Into the cosmos: Space exploration and Soviet culture / Ed. by Andrews J.T., Siddiqi A.A. – Pittsburgh (Pa.): Univ. of Pittsburgh press, 2011. – P. 195–212.
33. *Vučetić R.* Soviet cosmonauts and American astronauts in Yugoslavia: Who did the Yugoslavs love more? // Soviet space culture: Cosmic enthusiasm in socialist societies / Ed. by Maurer E., Richers J., Rüthers M., Scheide C. – Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 188–205.